

П.С. ДРОНОВ, М.Л. КОВШОВА
(Москва)

ОБРАЗЫ ОБИДЫ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ*

Рассматривается отражение в русской языковой картине мира такого понятия, как обида. Исследуются способы концептуализации эмоции в лексике и фразеологии, проводится семантический анализ основных форм лексемы обида, описываются пути наивного понимания концепта ОБИДА.

Ключевые слова: *эмоции, обида, лексика, фразеология, семантика.*

Введение

Отражение эмоций в языке представляет большой интерес для лингвистики [5–11; 18–23; 25]. Но, пожалуй, именно в исследованиях Виктора Ивановича Шаховского тема эмоционального в языке является предметом прицельного внимания, и его наблюдения в этой области сложились в лингвистическую теорию эмоций, которая представлена в ставших классическими работах [18; 20]. Концептуализация эмоций в языке на всех уровнях – от фонетики (в том числе эмоциональной интонации), словообразования, лексики, грамматики до уровня текста – изучается в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах с выходом в дискурс. «Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует. <...> Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры» [19, с. 147].

Основная лексема эмоции *обида* имеет весьма широкий диапазон значений; см., например: ‘несправедливо причиненное огорчение, оскорбление, а также вызванное этим чувство’, ‘о досадном, обидном случае’ (с пометой «в значении сказуемого») [13]. Согласно толкованию, *обида* означает, с одной стороны, ситуацию, а с другой – эмоцию, этой ситуацией вызванную. В толковании также отмечена и субъективность обиды: для того чтобы употребить слово *обида* в отношении си-

туации, принесшей огорчение, человек должен считать произошедшее несправедливым и незаслуженным. Как следствие, эмоция обиды напрямую связана с осознанием причиненной несправедливости и с жалостью к субъекту эмоции.

Согласно Н.Д. Арутюновой [2], основными характеристиками эмоций являются каузированность, пассивность / активность, неконтролируемость (спонтанность), специфичность / неспецифичность, стадийность. Рассмотрим эти характеристики в отношении лексемы *обида* и ее основных форм.

Каузированность. По утверждению Е.М. Вольф, «высказывания, описывающие ЭС [эмоциональное состояние] человека, могут интерпретироваться в виде модели, соответствующей фрагментам внутреннего мира человека. <...> Основными в этой модели являются три элемента – субъект эмоции, само ЭС и его причина. <...> Основные элементы структуры ЭС – субъект, предикат, причина, – как правило, входят в толкование значений эмоций» [5, с. 55–57]. Основные производные формы лексемы *обида* – конверсивы *обидеться* и *обижать*. В лексеме *обида* в свернутом виде содержится дескриптивная модель, в которую включены субъект эмоции, эмоция и ее причина. Обида описывается, как правило, в каузативной конструкции, куда входят прямо или косвенно субъект обиды, обида и каузатив обиды, объединяющая собой субъекта-каузатора и причину обиды (ср.: *Я обиделся на него; Его слова меня обидели; Меня это обижают*). При изменении высказывания субъект-каузатор выходит на первый план (*Он обидел меня*).

Пассивность. Инактивность субъекта эмоции подтверждается пассивным залогом предиката (*Я обижен, обиделся*). На пассивность субъекта указывает и то, что в языке обида предстает как эмоция, способная объединять (*Нас это обидело; Любим обидит*).

Неконтролируемость vs контролируемость обиды. По данным языка, обидой можно руководить (ср.: *Я подавил обиду; Я проглотил обиду; Я справился с обидой; Стараюсь не обижаться*). В то же время неконтролируемость обиды подтверждается невозможностью ассертивных императивов, обращенных к субъекту эмоции: **Обижайся!* Однако такое обращение возможно в негативной конструкции (*Не обижайся!*) или конструкции условия (*Хочешь – обижайся; Оби-*

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 18-012-00736а) в Институте языкознания РАН.

жайся на самого себя). Неконтролируемость обиды подтверждается невозможностью выражений **Я нарочно обиделся; *Я специально обиделся*. Можно лишь сделать обиженный вид. Однако лексема *обидеться* хорошо соединяется с модальными глаголами *мочь, желать, хотеть* (*Я могу обидеться; Хочу и буду обижаться*).

Неспецифичность обиды. Обида не имеет специфичных цветовых, осязательных симптомов, в отличие от других эмоций (ср.: *покраснеть от стыда; побледнеть от страха; вспотеть от волнения*). Есть осязательные метафоры, также неспецифичные: *жгучая обида, жгучий стыд*. Вкусовой симптом обиды «разделяет» с горем и особенным смехом: *горькая обида, горе горькое, горький смех*. Специфичные зрительные симптомы выражаются в образах телесного увеличения: *надуться от обиды, надуть губы от обиды*. Определительные и изобразительные эпитеты (*глубокая, невысказанная, затаенная, кровная, смешная, глупая* и др.), в том числе конкретные (*детская, женская, стариковская* и др. *обида*) говорят о разработанности и многоуровневой параметризации концепта в русской языковой картине мира. Измерительные эпитеты указывают на возможность интенсификации обиды: *большая обида, легкая обида* и др. На неспецифичность обиды указывает соединение (фонетическое единение) лексем со словами, обозначающими другие неспецифичные эмоции: *грустно и обидно; обидно, досадно, но ладно*. То, что эмоция негативная, определяется невозможностью сочетания лексемы с симптоматической лексикой позитивных эмоций: **(за)смеяться от обиды, *улыбка обиды, *обидеться и хохотать*. Обыкновенно от обиды плачут.

Стадиальность. Как и другие эмоции, обида проходит три стадии: ощущение, состояние, осмысление. Междометия не маркируют самое начало, аффект обиды (ср. междометия удивления в [9]). На первой стадии (ощущение) лексема *обида* включена в устойчивые сочетания и речевые клише, которые отражают спонтанность эмоции, внутреннее состояние, которое обычно описывает субъект обиды (ср.: *похолодеть от обиды, застыть от обиды, захлебнуться от обиды, потемнело в глазах от обиды* и др.). Предикаты *обида* в актуальном настоящем времени констатируют эмоциональное состояние (*Я удивлен*), но не анализируют его; язык свидетельствует о невозможности высказываний в ментальной рамке **Я думаю, что обиделся; *Я уверен, что меня это обижает*. На второй стадии (переживание) состояние обиды демонстрирует

ся; внешние, наблюдаемые, симптомы переживания предполагают «модальную рамку наблюдения» (Е.М. Вольф) (*Он весь надулся от обиды; Он раздул ноздри от обиды*). Однажды возникнув, *обида растет, копится*. Эмоциональное состояние обиды продолжает длиться и на третьей стадии (осмысление): *весь день дуться от обиды на кого-л., спрятать обиду, проглотить обиду* или – напротив – *справиться с обидой, решить не обижаться* и т. п. О том, что эмоциональное состояние переходит в осмысление, говорит ментальная рамка (*Я знаю, что это обидно; Я понял, что напрасно обижался на тебя; Уверен, в этом нет ничего обидного*). Об интеллектуализации обиды в русском языковом сознании говорит активность негативных форм и сочетание лексемы с ментальными и эмоциональными предикатами. К таким свойствам субъекта обиды, как целостность (*Меня обидело; Меня взяла обида*), прибавляется свойство, которое Е.М. Вольф называет «волевым воздействием» [5, с. 64] (ср.: *Я не обижен; Я и не думал обижаться; Меня это ни капельки не обижает; Меня давно ничто не обижает; Вы меня ничем не можете обидеть*). То, что эмоция обиды в русском языке принимает когнитивный облик, подтверждает употребление основных форм в конструкциях противопоставления, приказа, предупреждения (*Кто-то, может быть, и обиделся бы, а я не обижаюсь; Я сейчас обижусь; Обижайся, если хочешь*). Интересно отметить, что в русской диалектной и жаргонной фразеологии онтологизируется активность субъекта обиды, его решение обидеться (ср.: *брать обиду* – ‘считать что-л. обидным для себя, обижаться на кого-л.’; *класть / положить в обиду* – ‘обижаться на кого-л. за что-л.’; *склеить обиду на кого* – ‘обидеться на кого-л.’; *кидать обидульки на кого* – ‘обидеться на кого-л.’; *давить обиженку* – ‘обидеться на кого-л.’ и др. [12, с. 454–455]).

Следует отметить важное наблюдение Анны А. Зализняк о производных *обиды* – *обидеться, обидеть, обижен, обиженный, обидно* и *обидный*: «Все они могут соотноситься с той специфической эмоцией *обиды*, о которой идет речь <...>, но кроме того здесь возможны и другие значения. <...> Глагол *обидеть* (а также производное от него *обижен* <кем-то>) может обозначать ‘каузировать эту эмоцию’, но может иметь и более широкое значение ‘причинить ущерб’, которое реализуется в связанных сочетаниях *Он и мухи не обидит; Что ты плачешь, девочка, кто тебя обидел?*» [7, с. 242].

Концепты разной степени абстракции подпадают привычному в лингвистике когнитивному моделированию; можно сформировать структуру знаний типа фрейма или сценария, разработать исходные слоты. Идиоматика, будучи образно мотивированной частью фразеологии, имеет свои способы конкретизации концепта ОБИДА, типичные пути его наивного осмысления. Анализ концептуализации обиды предполагает два направления. Первое из них – «цель – источник». Подлежат рассмотрению идиомы со значением ‘обижать / обидеть’ (*задеть за живое; наступать / наступить на [любимую, больную] мозоль; наступать / наступить на ногу; плевать / плюнуть в душу*) и идиомы со значением ‘обижаться / обидеться’ (*надуть губы; надуться как мышь на крупу; надуться как индюк; дуться по пустякам; [как] будто муху проглотил; [как] будто лимон съел; ударяться / удариться <пойти; встать; вломиться> в амбицию; лезть в бутылку; лезть в пузырь и др.*). Второе направление: «источник – цель». Оно выявляет, как имя концепта ОБИДА, будучи компонентом во фразеологизмах, служит источником метафоризации в разных понятийных сферах – речевой и ментальной деятельности, поведения, меры и степени действия (ср.: *без обид; не в обиду будь сказано; от большой обиды; затаить обиду; полон обидны; полный обиды; обида берет / взяла и др.*).

Концепт ОБИДА: от цели к источнику

Во фразеологических словарях русского языка [4; 12; 14–17] идиомы с доминантной семой ‘обида’ описаны достаточно полно. Показательно при этом, что доминанта ‘обида’ может занимать в толковании центральное место, а может не включаться в толкование. Так, идиома *лезть / ползть в бутылку* имеет следующие описания в словарях, ср.:

«ЛЕЗТЬ / ПОЛЕЗТЬ В БУТЫЛКУ – ‘Сильно обижаться, дуться по пустякам (говорится с неодобрением). Подразумевается бурная реакция на обиду – раздражение, обычно без основания’» [14, с. 80];

«*Лезть в бутылку* – ‘Сердиться, возмущаться, обижаться, когда для этого нет никаких оснований’» [16, с. 173];

«(ПО)ЛЕЗТЬ В БУТЫЛКУ – ‘Выражать возмущение чем-л. или несогласие с чем-л., лично затрагивающим права субъекта или его убеждения, причем такое поведение является следствием раздражения и потери самообладания и, как правило, противоречит интересам субъекта, что описывается как заведомо бессмысленная попытка проникнуть в сосуд с очень узким горлышком’» [1, с. 74];

«ЛЕЗТЬ В БУТЫЛКУ. Очень сердиться, горячиться, выходить из себя» [15, с. 63].

Представляется, что семантические «сдвиги» при описании идиомы в словарях не случайны. Осмысление понятия ОБИДА в русской картине мира происходит во взаимосвязи с другими смежными понятиями, что отражается в использовании лексем данной сферы: *обижаться, сердиться, возмущаться, выражать возмущение или несогласие*. Образ *лезть в бутылку* вместил в себя раздражение как рефлекторную стадию обиды (чувство); обиду как стадию социально детерминированного состояния (эмоция); обиду как стадию оценочного характера по отношению к каузатору обиды (когниция). Отметим, что в словаре [1] в основу толкования положена когнитивная стадия обиды. Эмоциональное состояние осознается, принимает характер выражения возмущения и негодования и ищет выход. На этот процесс, происходящий в душе человека, и указывает образ фразеологизма, в котором эмоция уподоблена активному (пусть бессмысленному и не имеющему выхода) действию – лезть в бутылку. Ср. также идиому большей степени абстракции: *ударяться / удариться в амбицию*; в данной идиоме обозначено резкое неприятие субъектом совершенных по отношению к нему неправомерных действий, умаляющих его статус, право на собственное мнение и т. п. В образе идиомы *лезть в бутылку* также представлено активное действие («лезть»); образ маркирует степень обиды и прогнозирует бурное проявление обиды не только во внешнем виде человека, но и в поведении. Потенциальная сема ‘внутреннее движение в душе обиженного человека, направленное в отношении обидчика’ реализуется в контексте; употребление идиомы влечет за собой описание возможных реакций человека на обиду – вплоть до решительных действий и агрессивных поступков. Ср.:

(1) Ты, Нартайчик, слишком-то уж в консульстве не ерпенься и *в бутылку не лезь*. Как-нибудь старайся повежливей (В. Кунин. Русские на Мариенплац) [1, с. 74].

В повести В. Шукшина «Печки-лавочки» командировочный в поезде подшучивает над своим соседом по купе Иваном, что жена его прачет деньги в чулок:

(2) – Счас мы свои рублишки достанем из чулочка... И отдадим. – Ивану страсть как неловко было, что деньги – где-то у жены «в чулочке»... И он прямо, вызывающе-прямо посмотрел на ухмыляющихся проводника и командировочного и тоже улыбнулся, но зло улыбнулся. <...> – А ты что это

сразу в бутылку-то полез? <...> Если вам сделали замечание, надо прислушиваться, а не хорохориться. Поняли? – Командировочный повысил голос. – Научись сначала ездить. Еще жену с собой тащит... – А что тебе моя жена? – зловеще тихо спросил Иван. – Что тебе моя жена? Нюра знала, что после таких вопросов – так сказанных – Иван дерется [24].

Обусловленность внешними обстоятельствами, динамичность и способность к интенсификации характерны для понятия ОБИДА, содержание которого, представленное в образах идиом, оказывается в контексте употребления не абсолютным, а скорее относительным и может быть изменено в зависимости от причин, условий ситуации, личности субъекта обиды и т. п. Командировочному насмешки над простотатями деревенскими людьми не кажутся основанием для обиды; но для того, над кем насмеваются, шутки, тем более в отношении его жены, являются серьезным основанием для обиды, и он их воспринимает как оскорбление. Собственно, обидчик и употребляет идиому *лезть в бутылку* для смягчения ситуации, чтобы указать, что для обиды, а тем более для оскорбления, нет никаких причин (ср. похожее развитие описания обиды как оскорбления в рассказе В. Шукшина «Обида».)

Идиома *лезть в бутылку* может не развивать потенциал гнева или оскорбления; обида может быть сведена к недовольству:

(3) Я не понимаю, как можно оставить в запаке Эдгара, – сразу *полез в бутылку* Клим. – Это же игрок экстра-класса! [1, с. 74].

Поскольку основными элементами структуры эмоциональных состояний являются субъект, предикат и причина, то, как правило, причина входит в толкование эмоций. В данном случае важно было указать на ее отсутствие. В двух словарях эмоциональное состояние описано как обида без причин, без оснований (ср.: «обычно без основания» [14, с. 80]; «когда для этого нет никаких оснований» [16, с. 173]). В третьем словаре эмпатия составителей словаря на стороне обиженного: «возмущение чем-л. или несогласие с чем-л., лично затрагивающим права субъекта или его убеждения» [1, с. 74]. В четвертом словаре причины не упоминаются [15]. Действительно, обида субъективна, не имеет типовых причин и четких параметров (*постоянно обижается, любит обижаться*); более того, истоки, которые питают обиду, могут быть глубинными, иными, чем конкретные и притом поверхностные причины, вызвавшие ее про-

явление. В толкованиях [14–16] обида описана с позиции ее осмысления, тем самым при описании обиды объединяются эмоциональная и интеллектуальная сферы. Толкование идиомы задается с позиции интерпретатора, который оценил эмоцию как обиду безо всякого на то основания; потому в одном словаре указано: «говорится с неодобрением» [14, с. 80]. Данное указание составлено как бы с позиции «командировочного» в рассказе В. Шукшина; за состояние обиды ответственность возлагается на человека, который не в силах справиться со своими эмоциями и для которого сформулирована превентивная поговорка *На обиженных воду возят*. Разночтения в толкованиях одной идиомы говорят о необходимости подхода, который бы учитывал фактор субъективности эмоции, стадии протекания, эмпатию говорящего и слушающего и т. д. «В эмоциональной коммуникации особенно релевантным является осознание различия между эмоциональной прагматикой говорящего (инициальная интенция) и эмоциональной прагматикой слушающего (терминальная интенция)» [19, с. 156].

В образах идиом отождествляются объекты разных классов и их совокупность. ‘Обижаться’: эмоция – тело (*надувать губы; надуваться как мышь на крупу; надуваться как индюк*); эмоция – артефакт, пространство (*дуться по пустякам; надуваться как пузырь; лезть в бутылку*); эмоция – физиология (*как будто муху проглотил; словно лимон проглотил, съел*). ‘Обижать’: эмоция – боль, тело (*задеть за живое; наступить на любимую, больную мозоль; наступить на ногу*); эмоция – физиология, пространство (*плюнуть в душу*). Образы прочитываются в кодах культуры (соматический, зооморфный, фитоморфный, пространственный, антропный, артефактивный); возникающие в ходе этого прочтения культурные коннотации вплетаются в семантику идиом. Так, образ идиомы *лезть / полезть в бутылку* интерпретируется в пространственном коде, соотносится с архетипическим противопоставлением широкого / узкого. Этимология оборота неясна [15], образ бутылки «не работает», несмотря на то, что на него могли бы наслаиваться культурно-специфические ассоциации, отвечающие неконтролируемости и горячности человека, находящегося под воздействием сильной обиды. В ходе референции идиомы к предметной области культуры в образе идиомы «проступают» прескрипции, которые предостерегают от деструктивных действий, направленных против себя, требуют не отгораживаться мнимой защитой, справиться с обидой. Ср. обычное употребление идиомы в

императивной конструкции с отрицанием: *Не лезь в бутылку!*

Концепт ОБИДА: от источника к цели

Компонент *обида* содержится во фразеологических единицах, таких как коллокация (*не*) *давать* (кого-л. / себя) *в обиду*, речевые формулы *не в обиду* (кому-л.) *будь сказано*, *без обид* и идиомы *мухи / комара / курицы не обидит* (кто-л.), *богом обиженный, себя не обидеть*. В коллокации (*не*) *давать* (кого-л. / себя) *в обиду* именной компонент употреблен в прямом значении, ср. дефиницию в словаре [17]: ‘не позволить обижать кого-либо, заступаться за кого-либо’. Заполнение атрибутивной валентности глагольного компонента: *не дать кого-то / себя в обиду* – это, прежде всего, описание ситуации, в которой один участник не позволяет другому нанести оскорбление себе или третьему участнику. Любопытно, что третий участник, за редким исключением типа (4b), остается за кадром, и его валентность (кому-л.) не заполняется.

(4) а. Ада идет к своему компьютеру и, не открывая новые письма, даже не любопытствуя, от кого они, забыв про себя, про свои дела, входит в Анжелин дневник. Читает с самого его начала, каждую фразу. До печенок пробирает то, как она умеет *не дать себя в обиду*... Мне бы так... (Ольга Новикова. Каждый убивал // Сибирские огни. 2012; НКРЯ*). б. Он просил по мере возможности помочь твоей семье, *никому не дать вас в обиду* (Ахмедов Р.Б. Промельки (2011) // Бельские Просторы; НКРЯ).

Любопытно употребление этой коллокации в качестве переводческого эквивалента: поиск в параллельном корпусе показывает, что она может употребляться не только как эквивалент английских словосочетаний *not to let sb. hurt sb.* антропный – ‘не позволять кому-л. ранить кого-л.’ (см. частичное сходство значений англ. *hurt* с рус. *обидеть* в статье [6])** или *to [know how to] protect / save sb / oneself* – ‘[знать, как / уметь] защитить / спасти кого-л. / себя’, но и как некое обобщение, ср.:

* Здесь и далее пометой НКРЯ сопровождаются примеры из Национального корпуса русского языка (URL: <http://ruscorpora.ru>).

** При анализе параллельных контекстов на восточнославянских языках мы обнаруживаем полное соответствие во всех контекстах: рус. *не дать в обиду*, белорус. *не даць (кагосьці) ў крыўду* (букв. «не дать кого-л. в обиду») и укр. *не дати (когось) в образ* (букв. «не дать кого-л. в обиду / оскорбление»). Очевидны единая для близкородственных языков структурная модель и общие участники ситуации обиды.

(5) а. “If the Wizard was here,” said one of the piglets, sobbing bitterly, “*he would not see us suffer so*” (L. Frank Baum. *Dorothy and the Wizard in Oz* (1908)) – «Если бы здесь был Волшебник, – причитал, всхлипывая, один из поросят, – *уж он бы не дал нас в обиду*» (Л. Фрэнк Баум. *Дороти и Волшебник в Стране Оз* (Т.Д. Венедиктова, 1992); НКРЯ). б. If you run fast you can catch up with those soldiers and they *won't let the Yankees get you* (Margaret Mitchell. *Gone with the Wind. Part 1* (1936)) – «Беги быстрее, нагонишь этих солдат, и *они не дадут тебя в обиду*» (Маргарет Митчелл. *Унесенные ветром. Ч. 1* (Т. Озерская, 1982); НКРЯ).

В (5а) *уж он бы не дал нас в обиду* (с проклитическим *уж*) соответствует оригинальному *he would not see us suffer so* ‘он бы не потерпел, чтобы мы так страдали’, в (5b) оно используется для генерализации: Скарлетт, успокаивая рабыню, говорит, что на ту не нападут северяне, если она догонит отряд солдат Конфедерации. В русском переводе обобщение служит, помимо выведения за скобки третьего участника, уменьшению повторов в тексте: предыдущая реплика содержала те же опасения, только выраженные в форме разговорного афроамериканского английского: *Spose de Yankees gits me?* В оригинале Скарлетт повторяет реплику на стандартном английском (*won't let the Yankees get you*). В русском переводе эта диалектная и социолектная особенность опущена и передана с помощью просторечного *Ну, как янки схватят?*

В прямом значении компонент *обида* употреблен в коллокациях *от большой обиды, затаить обиду, полный обиды, обида берет / взяла* (последнюю можно считать реализацией фразеосхемы *X берет / взяла кого-л.*), а также в речевой формуле *не в обиду* (кому-л.) *будь / будет / пусть будет сказано*. Под речевой формулой мы понимаем идиомы (как правило, со структурой предложения) с фиксированной иллокутивной силой или определяющие иллокутивные характеристики высказывания [3, с. 78–89]. Эта речевая формула перформативна, основана на рефлексии говорящего и presupпозиции неприемлемости предыдущего или непосредственно следующего высказывания. Сюда же можно отнести коллокацию *без обид* и речевую формулу, основанную на прецедентном тексте из фильма «Мимино»: *Я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся*.

Иначе обида концептуализируется в идиоме *мухи не обидит*, ср.: «*Мухи не обидит <не обидишь, не обидел, не обидела> кто*. Крот-

кий, незлобивый (говорится с одобрением)» [14, с. 38]. Здесь происходит расширение значения *обидеть*: ‘причинить огорчение (каузировать эмоцию обиды’ > ‘нанести ущерб кому-л.’ В НКРЯ обнаруживаются контексты с заменой именного компонента: *комара не обидит, курицы / курицу не обидит*. В первом случае актуализируется семантический компонент ‘живое существо небольшого размера’, во втором – компонент ‘заведомая неспособность нанести серьезный ущерб человеку’.

Этот образ далее эволюционирует в идиоме *богом обиженный*. ‘неудачливый, несчастливый; глуповатый, ограниченный; жалкий, убогий, неполноценный в каком-л. отношении (о человеке)’ [12, с. 48]. Встречается вариант идиомы с иным именным компонентом – *жизнью обижен*. Компонент *обиженный* в идиоме осмысливается как ‘тот, кому чего-л. недодали’ (пресуппозиция: недодали ума, красоты, социального положения), ср.: [6, с. 242–243]. Очевидна связь с идиомой *бог обидел (кого-л.) (чем-л.)*, у которой, судя по употреблению в НКРЯ, есть два значения, ср.:

(6) **а.** Если даже у мужика и есть избыток хлеба, то он все-таки не продает, а хочет, чтобы у него хлеба хватило за «новью», чтобы можно было прожить своим хлебом и еще год, в случае, *если бог обидит градом* (А.Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо девятое (1880); НКРЯ). **б.** Нетопорчук сам до женского пола робок – *обидел бог рожей и характером*: нос картошкой, лицо в рытвинах, усы рыжие, с подпалинами, а характер застенчивый <...> (Л.С. Соболев. Капитальный ремонт (1932); НКРЯ).

В (6а) имеется в виду причинение несправедливого ущерба в виде стихийного бедствия. В (6б) идиома употреблена в значении ‘кто-л. обделен чем-л.’. Здесь надо указать, что если речь идет о людях, например, *бог обидел сыновьями*, это означает не ‘у кого-л. нет сыновей’, а ‘сыновья не такие, какими должны быть’; если говорят *бог обидел*, то это значит ‘недодали’; ‘дали не то’.

Аналогичный переход (‘несправедливым образом нанести оскорбление или огорчить’ > ‘несправедливым образом что-л. недодать’) присутствует еще в одном словосочетании. Инверсия и заполнение валентности глагола *обидеть* возвратным местоимением превращает свободное словосочетание *не обидеть кого-л.* в устойчивое с фиксированным порядком слов *себя не обидеть*, ср.:

(7) **а.** Решение о величине заработка в подавляющем большинстве случаев принимают менедже-

ры. И не с тем, чтобы большую его часть положить в свой карман (хотя и *себя они, разумеется, не обидят*), а «по справедливости»: хорошо поработали, прибыль получили – надо дать людям (Такая маленькая зарплата // Знание – сила. 2013; НКРЯ). **б.** Тут, видно, Семен Терентьевич *себя не обидели*; <...> отвели себе, то есть на свою долю, почитай все дуга по Мухоловке (В.И. Даль. Павел Алексеевич Игриный (1847); НКРЯ). **с.** Только вы-то, благодетельница, не осудите, вы-то не осудите; а то никого мне не страшно, *уж я себя не обижу* (А.Н. Островский. Волки и овцы (1875); НКРЯ).

Судя по контекстам употребления, словосочетание означает ‘выделить себе средства (деньги, земельные участки и т. п.) в объеме, который субъективно представляется справедливым и достойным’. Это выражение, вероятно, следует отнести к идиомам. В его семантике сохраняется тот же компонент ‘субъективное представление’, что и в значении слова *обида*. Это особенно заметно по особенностям употребления: чаще всего *себя не обидеть* говорят в третьем лице (часто в «уважительном» множественном числе), не без осуждения или иронии. Говорящий имплицитно подвергает сомнению способность субъекта действия адекватно оценивать свои притязания. Характерно, что даже при употреблении в первом лице: *я себя не обижу* – говорящий может отдавать себе отчет в том, что со стороны его действия могут показаться неправильными и предосудительными. Именно поэтому в примере (7с) это словосочетание сопровождается настойчивой просьбой: *вы-то не осудите*.

Заключение

Семантический анализ лексических и фразеологических единиц с семантикой обиды реконструирует отдельные черты и языковой «портрет» обиды в целом. По данным языка, основными характеристиками обиды являются каузированность, пассивность, неконтролируемость (спонтанность), неспецифичность, стадийность, причем когнитивная стадия – осмысление обиды – является наиболее разработанной в русском языке. Эмоция обиды граничит с другими эмоциями, соединяет в себе состояние и отношение к тому, кто или что каузирует данное состояние. Совокупность семантического, когнитивного и лингвокультурологического анализа понятия обиды позволяет выявить типичные пути осмысления данного концепта в русской языковой картине мира, проанализировать основные модели и образы его описания в лексике и фразеологии, показательные для исследования констант и изменений в эмоциональной сфере.

Список литературы

1. Академический словарь русской фразеологии / авт.-сост. А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко. М.: ЛЕКSPYС, 2015.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1998.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В.Н. Телии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
5. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55–75.
6. Зализняк Анна А. О семантике щепетильности (*обидно, совестно, неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Яз. слав. культур, 2012. С. 242–259.
7. Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Яз. слав. культур, 2012. С. 99–116.
8. Иоанесян Е.Р. К типологии семантических переходов в лексическом поле эмоциональных состояний // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. М.; Ярославль: Канцлер, 2018. С. 43–55.
9. Ковшова М.Л. Языковой «портрет» русского удивления: лексические, фразеологические и пословичные способы описания // Вестн. Новгор. гос. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2014. № 77. С. 25–28.
10. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
11. Лебедева Е.К. Метафора как средство описания внутреннего эмоционального состояния человека // Общая стилистика и филологическая герменевтика. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1991. С. 54–68.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок / отв. ред. В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 04.10.2018).
14. Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телии. М.: Отечество, 1995.
15. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. В.М. Мокиенко. СПб.: Фолио-Пресс, 2001.
16. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.М. Мокиенко. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.
17. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ, 2008.
18. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. М.: URSS, 2009.
19. Шаховский В.И. Коммуникация в эмоциональной сфере человека: экологический и эмоциональный интеллект // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. М.; Ярославль: Канцлер, 2018. С. 145–162.
20. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
21. Шаховский В.И. Лингвокультурология эмоций. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2004.
22. Шмелев А.Д. Язык любви // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Яз. слав. культур, 2012. С. 457–470.
23. Шмелев А.Д. Язык печали // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Яз. слав. культур, 2012. С. 471–484.
24. Шукшин В.М. Печки-лавочки [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHUKSHIN/pechki_lavochki.txt (дата обращения: 15.10.2018).
25. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and universals. Canberra: Australian National University, 1999.

* * *

1. Akademicheskij slovar' russkoj frazeologii / avt.-sost. A.N. Baranov, M.M. Voznesenskaja, D.O. Dobrovolskij, K.L. Kiseleva, A.D. Kozerenko. M.: LEKSRUS, 2015.

2. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1998.

3. Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. Aspekty teorii frazeologii. M.: Znak, 2008.

4. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij / pod red. V.N. Telii. M.: AST-PRESS KNIGA, 2006.

5. Vol'f E.M. Jemocional'nye sostojanija i ih predstavlenie v jazyke // Problemy intensional'nyh i pragmaticheskijh kontekstov. M.: Nauka, 1989. S. 55–75.

6. Zaliznjak Anna A. O semantike shhepetil'nosti (*obidno, sovestno, neudobno* na fone russkoj jazykovej kartiny mira) // Zaliznjak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Konstanty i peremennye russkoj jazykovej kartiny mira. M.: Jaz. slav. kul'tur, 2012. S. 242–259.

7. Zaliznjak Anna A. Schast'e i naslzhdenie v russkoj jazykovej kartine mira // Zaliznjak Anna A.,

Levontina I.B., Shmelev A.D. Konstany i peremennye russkojazykovoj kartiny mira. M.: Jaz. slav. kul'tur, 2012. S. 99–116.

8. Ioanesjan E.R. K tipologii semanticheskikh perehodov v leksicheskom pole jemocional'nyh sostojanij // Jemocional'naja sfera cheloveka v jazyke i kommunikacii: sinhronija i diahronija. M.; Jaroslavl': Kancler, 2018. S. 43–55.

9. Kovshova M.L. Jazykovoj «portret» russkogo udivlenija: leksicheskie, frazeologicheskie i poslovičnye sposoby opisanija // Vestn. Novgor. gos. un-ta. Ser.: Filologičeskie nauki. 2014. № 77. S. 25–28.

10. Larin B.A. Jestetika slova i jazyk pisatelja. L., 1974.

11. Lebedeva E.K. Metafora kak sredstvo opisanija vnutrennego jemocional'nogo sostojanija cheloveka // Obshhaja stilistika i filologičeskaja germenevtika. Tver': Izd-vo Tverskogo un-ta, 1991. S. 54–68.

12. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok / otv. red. V.M. Mokienko. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2008.

13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (data obrashhenija: 04.10.2018).

14. Slovar' obraznyh vyrazhenij russkogo jazyka / pod red. V.N. Telii. M.: Otechestvo, 1995.

15. Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-jetimologičeskij spravocnik / pod red. V.M. Mokienko. SPb.: Folio-Press, 2001.

16. Slovar' frazeologičeskikh sinonimov russkogo jazyka / pod red. V.M. Mokienko. Rostov n/D.: Feniks, 1996.

17. Fedorov A.I. Frazeologičeskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka. M.: AST, 2008.

18. Shahovskij V.I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoi sisteme jazyka. 3-e izd. M.: URSS, 2009.

19. Shahovskij V.I. Kommunikacija v jemocional'noj sfere cheloveka: jekologičeskij i jemocional'nyj intellekt // Jemocional'naja sfera cheloveka v jazyke i kommunikacii: sinhronija i diahronija. M.; Jaroslavl': Kancler, 2018. S. 145–162.

20. Shahovskij V.I. Lingvističeskaja teorija jemocij. M.: Gnozis, 2008.

21. Shahovskij V.I. Lingvokul'turologija jemocij. Volgograd: Izd-vo Volgogr. gos. un-ta, 2004.

22. Shmelev A.D. Jazyk ljubvi // Zaliznjak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Konstany i peremennye russkojazykovoj kartiny mira. M.: Jaz. slav. kul'tur, 2012. S. 457–470.

23. Shmelev A.D. Jazyk pechali // Zaliznjak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Konstany i peremennye russkojazykovoj kartiny mira. M.: Jaz. slav. kul'tur, 2012. S. 471–484.

24. Shukshin V.M. Pechki-lavochki [Jelektronnyj resurs]. URL: http://lib.ru/SHUKSHIN/pechki_lavochki.txt (data obrashhenija: 15.10.2018).

The images of grievance in Russian lexis and phraseology

The article considers the reflection of the concept of grievance in the Russian language picture of the world. The authors explore the ways of conceptualizing emotions in vocabulary and phraseology. A semantic analysis of the main forms of the lexeme "grievance" is carried out. The ways of the naive understanding of the concept of grievance are described.

Key words: *emotions, grievance, vocabulary, phraseology, semantics.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

Е.Р. ИОАНЕСЯН
(Москва)

СЕМАНТИКА СЛОВА «ЖАЛОСТЬ»*

Представлен семантический анализ слова «жалость». Показано, что, помимо традиционно выделяемого значения прототипической жалости, обозначаемой лексемой «жалость 1», есть еще одно значение, соответствующее лексеме «жалость 2». «Жалость 2» обозначает сложное чувство, в котором наличествуют элементы снисходительного или презрительного отношения к недостаткам, ограниченности и т. п. объекта, к которому субъект испытывает данное чувство.

Ключевые слова: *семантика, лексикология, полисемия, предикаты эмоционального отношения.*

Наша статья посвящена анализу русского слова *жалость*. Изучение лексических единиц, относящихся к семантическому полю эмоций, продолжает оставаться одной из важных задач современной лингвистики (см., например: [1; 2; 6–11; 20; 21]). Эмоции «охватили все коммуникативное пространство *homo loquens*: СМИ, политику, бытовое и художественное общение, в том числе подростковое и молодежное. Эмоции явно стали важнейшими компонентами разума, мышления и языкового сознания современного человека, принадле-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 18-012-00736а) в Институте языкознания РАН.